

УДК 811.112.2

*Н.К. Данилова**

«ЗНАЧЕНИЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ» И ФАКТОР СУБЪЕКТА

Статья посвящена проблемам семантики высказывания, его референции, определяемой связью с говорящим субъектом. Прагматическое понимание «значения высказывания» помещает в фокус исследования дейктические указания и их функции в формировании «сети» референций дискурса.

Ключевые слова: модус, дискурс, когнитивный, коммуникативный, ситуация, субъектная функция.

Высказывание представляет собой предмет исследования различных научных направлений, универсальной прагматики, когнитивной прагматики и лингвистического прагматического анализа, выделяющих в нем, кроме семантического измерения, создаваемого референцией и пропозицией, прагматическое измерение, в котором получает отражение целенаправленная деятельность субъекта говорения.

Качественное отличие высказывания от предложения обусловлено «референцией», прагматическое понимание которой связывает ее с отношением между языковыми выражениями и тем, что они обозначают в «мире» («вселенной дискурса») в каждом конкретном высказывании [1, с. 309]. Феномен значения высказывания складывается из референциального диапазона используемых выражений и их актуальной референции, обусловленной контекстуальными факторами.

В современной науке представлены различающиеся точки зрения на референцию, принадлежащие теории референции и теории коммуникации и касающиеся представления о ней как о способе регулирования процесса коммуникации или как о способе концептуализации действительности. В отличие от формально-семантических концепций, в которых значение выражения приравнивается к набору условий, в которых оно истинно, современная грамматика, имеющая выраженную когнитивно-прагматическую ориентацию, приравнивает значение к ментальному опыту индивидуумов [2, с. 9]. Не только внутренние свойства объекта, но и то, что мы предпочитаем думать об объекте или ситуации, и ментальное отображение ее рассматриваются в ней как условие означающей деятельности, а избираемые способы означивания стано-

* © Данилова Н.К., 2012

Данилова Нина Константиновна (danilova_nina@mail.ru), кафедра немецкой филологии Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

вятся альтернативами ментального конструирования одних и тех же объективных обстоятельств.

В качестве необходимого условия референции когнитивно-ориентированный подход выделяет создание ментальной структуры, интерпретирующей ситуацию [3, с. 51]. Выбирая конкретное выражение или конструкцию, говорящий формирует ситуацию определенным образом, выбирая конкретный образ для структурирования ее концептуального содержания в выразительных целях (Р.У. Лангаккер определяет этот процесс как «конвенциональную образность»). Роль языкового контекста заключается в том, что он порождает прагматическую пресуппозицию, обеспечивающую конкретную референцию.

На смену традиционному подходу, видящему в референции «отнесенность актуализованных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) и их эквивалентов к объектам действительности (референтам и денотатам) [4, с. 411], в современном языкознании приходит *интенциональное* понимание, связывающее референцию с интенциями участников общения. Референтность в этой перспективе характеризует означивающую деятельность человека: используя обозначение объекта, говорящий «вкладывает» референцию в это выражение, совершая акт референции [5, с. 177].

Высказывание предстает в когнитивно-прагматическом ракурсе как отличающееся от предложения (системного и текстового) наличием в его семантике определенных «обязательств, принимаемых на себя субъектом речи». Выражение определенного отношения к высказываемой пропозиции получает определение «эпистемического обязательства», принимаемого субъектом говорения на себя в процессе употребления знаков [1, с. 270]. Разграничение модального и фактуального компонентов значения позволяет выделить *активность субъекта*, его *стратегически обусловленный выбор*, диктующий способ использования тех или иных пропозиций для реализации определенных намерений.

Субъективность в логическом смысле представляет собой качество языковой деятельности, заключающееся в принципиальной способности субъекта речи быть субъектом сознания (познания, чувств, ощущений и восприятия) и субъектом действия (агентом). В лингвистике речь идет о ее языковом проявлении, *локутивной* субъективности, связанной с актом высказывания [1, с. 354]. Включение в анализ этого качества высказывания предполагает выделение в его структуре, в дополнение к пропозициональному содержанию и иллокутивному типу, «*установки говорящего*», в которой находит отражение его отношение к репрезентируемому «положению дел». Установки говорящих, намерения и эмоции, формулируемые как «ожидания», их эпистемические состояния становятся основным объектом прагматики [6, с. 221]. В феномене субъективности, связанном с не пропозициональными значениями, находит отражение процесс самопрезентации, который не может быть сведен к выражению пропозиционального знания и мнения.

Современная прагматика выделяет в семантике высказывания связь с контекстом, основным фактором, определяющим референцию, в прагматике признается «конситуация», языковым представлением которой является «дейктический контекст», определяемый Дж. Лайонзом как составная часть контекста высказывания, создающаяся вокруг «я-здесь-сейчас» говорящего [1, с. 320]. Средствами создания дейктического контекста, выступающего как концентрированное проявление субъективности в языке, служат местоимения, наречия и глаголы (единицы с эгоцентрической семантикой), которые, выполняя индексальную функцию, участвуют в организации «пространства говорящего», включая в него пространственные и временные ориентиры и обозначая место и время высказывания и место и время ментального акта (понимания

и размышления). В центре «пространства говорящего» располагается эгоцентрический субъект «Я», являющийся формой представления воспринимающего, познающего и действующего субъекта, «конструирующего ситуацию» [7, с. 39]).

В новой перспективе исследования обращает на себя внимание ряд существенных моментов. Связь высказывания с ситуацией и контекстом выделяет факт *системности* референции, требующий комментария. Сложность проблемы заключается в том, что контекст может содержать элементы и отношения, которые не определяются грамматическими правилами и знаниями языка. Речь идет о ментальной репрезентации (модели ситуации), которая соответствует множественности условий, содержащихся в семантике высказывания, и сводит их одновременно к одному и тому же лицу (одной сущности). Структура контекста, по Филлмору, определяется референцией, денотацией и контекстуальной спецификацией [3, с. 62].

Связь контекста с интерпретативной деятельностью участников общения свидетельствует одновременно об обусловленности его организации строением когнитивных систем участников общения, фреймовой организацией их памяти и знания, определяющей способы конструирования ментального представления [8, с. 157–159]. Владение необходимыми структурами знания позволяет создателю текста формировать контекстные ожидания, прогнозировать определенные речемыслительные действия, необходимые для успешного обмена информацией.

Влияние интерактивных оснований общения (социальной ситуации и типов взаимодействия) расширяет контекст за счет данных о целях и мотивах коммуникации. Коммуникативное событие получает, таким образом, представление в категориях речевого (свидетельствующего о связях с социальной ситуацией), экзистенциального (возможные миры), ситуационного (структура аргументации и связь с Другим), акционального и психологического (когнитивного) контекстов [9, с. 147].

Новым в современном понимании референции моментом становится предлагаемая дискурс-анализом ее интерпретация как проявления *коммуникативного сотрудничества*. Акт референции рассматривается в этом случае как коллективное действие всех участников общения, использующее конвенциональные языковые знаки для указания на актуализируемый реальный или гипотетический «мир» с целью установления и/или поддержания intersубъективности, выступающей в качестве незыблемого основания референции [9, с. 122].

Проблемой исследования семантических процессов представляется поиск концептуального средства, которое могло бы объединить множество факторов, в качестве подобного рассматриваются «фрейм интерпретации» или «когнитивные цензоры» [3], «фокус» [10] и др. Предлагаемая Дж. Лайонзом категория «дейктического контекста» позволяет сместить акцент с внешних по отношению к языковым процессам системных факторов на факторы внутренние, свидетельствующие о выработанных языковой практической деятельностью «способах действия», определяющих успешное осуществление коммуникативно-познавательной деятельности индивидуумов.

Предположение о существовании реализуемой в речи системы средств «регулирования перспективы мысли», включающей различные операции со смыслом, было выдвинуто К. Бюлером. В создаваемом в процессе употребления языка «грамматическом пространстве» находит отражение, по мысли К. Бюлера, то, как возникает и оформляется «намерение передать другому нечто новое, вновь открытое, или кажущееся таковым» [11, с. 118]. Условием этого является существование в языке системы координат речевого акта, получившей название системы ориентации субъекта (Origo-System), используя которую субъект «помещает» себя в ситуацию действительности, ориентируя сообщение с учетом своего положения в пространстве и времени.

Слова-эгоцентрики получают подробное освещение в теории высказывания как средства реализации языкового антропоцентризма, отражающего способность говорящего представить себя в качестве субъекта и воссоздать в этом процессе условия общения [12, с. 293]. «Пустые», по Э. Бенвенисту, знаки, свободные от референтной соотнесенности с реальностью, становятся «полными», как только говорящий использует их в протекающем акте речи. Постоянная и неперменная референция с актом речи образует черту, объединяющую дейктические указания с местоимениями, наречиями, наречными выражениями, что позволило Р. Якобсону включить их в общий класс «подвижных определителей» (шифтеров) [13].

Существующие в современной лингвистике интерпретации дейксиса, коммуникативная, семантическая и референциальная, принимают во внимание только один из аспектов этого сложного явления [14, с. 209]. Специфика дейктической местоименной семантики такова, что наиболее успешная классификация предполагает минимум дифференциальных признаков. Так, Е.В. Падучева определяет дейктический элемент как средство, которое выражает идентификацию объекта-предмета, места, момента времени, свойства, ситуации через его отношение к речевому акту, его участникам или контексту [15, с. 245]. В данном определении дейксису отводится роль идентификатора, что в известной степени сужает рамки возможностей этого языкового явления, но вместе с тем выделяет его *параметрическую сущность*, т. е. способность вводить категорию количества и меры в семантику текста. Сопоставление дейксиса с идентифицирующими номинациями имеет следствием обеднение понятия и формирует представление о нем как о классе знаков, обслуживающем наиболее простые виды референции (справедливости ради следует подчеркнуть, что в логическом анализе дейксису отведена особая роль в процессах актуализации, связанная с его способностью служить посредником между идентифицирующей и предикативной семантикой [16, с. 2]).

Оценка референтной соотнесенности дейксиса, как мы имели возможность убедиться, демонстрирует полярные точки зрения, от трактовки дейктической референции как обладающей бесконечно малым (актуальный акт высказывания) или бесконечно большим объемом значения («пустые» знаки). В разнообразии представлений о референтной природе дейксиса отражена существующая до настоящего момента неопределенность, касающаяся самой сути этих уникальных языковых средств. Действительно, остается неясным, к чему же осуществляется референция: к говорящему лицу или к моменту речи, что уже не может ассоциироваться только с говорящим, но должно учитывать процесс порождения речи, место и время произнесения, или же речь идет об опосредованном соотношении объектов с говорящим и актом речи.

Возможное решение этой проблемы было предложено Э. Бенвенистом, разграничившим акт порождения формы и собственную референцию языкового знака. Внутри системы средств, описывающих коммуникативную ситуацию, по его мнению, действуют отношения двойной детерминации: все эти средства определяются только по отношению к единовременному акту речи и находятся в зависимости от «Я», высказывающегося в данном акте [12, с. 296]. Высказывание, содержащее «Я», обладает особым модусом, названным Э. Бенвенистом *прагматическим*, который включает в процесс использования знака тех, кто ими пользуется. Местоименные формы соотносятся не с объективным положением в пространстве и времени, а только с единственным актом высказывания, включающим эти формы, что дает возможность им служить основной цели — коммуникации. Обретая семантическую «полноту» в акте речи, дейктические знаки служат инструментом для осуществления процесса, который Э. Бенвенист назвал «обращением языка в речь».

Двойственная референция дейксиса, символическая (экзистенциальная) и индексальная, характеризующая этот класс слов как уникальные *референциально-перформативные* знаки, активно используется в коммуникативных практиках. Способность дейктического знака быть аутореферентным, т.е. содержать отсылку к самому себе, или указывать на область референции того или иного объекта способом создания «фокусного интервала», характеристикой которого служит «выделенная актуальность в потоке речи» [17, с. 182], превращает местоимение «Я» в одно из основных средств регулирования дискурсивных процессов. «Мимолетность референции» и зависимость от контекста, в которых находит отражение способность дейксиса изменять референцию в соответствии с контекстом, позволяют дейктическим местоимениям выступать как механизм преобразования референции применительно к условиям употребления [18].

Выделенные свойства системы ориентации субъекта помещают ее в прототипическую ситуацию речевого акта, связанную с субъектом речи. Современные исследования средств указания свидетельствуют, однако, о том, что функционирование эгоцентриков не всегда дает возможность отождествить точку отсчета с говорящим, так как семантика высказывания свидетельствует о возможности «разделения» субъекта и его представления в качестве субъекта и объекта описания, что связано с выбором точки зрения не говорящего, но *наблюдателя* [19, с. 29]. Разграничивая субъект пропозициональной установки и субъект речи, Е.В. Падучева выделяет различные виды «референциальных исполнителей», способных выступать в качестве субъекта высказывания: а) говорящего как субъекта дейксиса, б) говорящего как субъекта речи, в) говорящего как субъекта сознания, г) говорящего как субъекта восприятия [6, с. 262].

Признавая достоинства предложенной концепции полисубъектности дейксиса, мы хотели бы вместе с тем предложить иную интерпретацию этих отношений, изменив направление детерминации, так как при существующем понимании индексальная (вторичная) функция предшествует экзистенциальной (первичной), обусловленной когнитивными процессами, с нашей же точки зрения, именно когнитивная функция дейксиса делает его незаменимым регулятором дискурсии.

Когнитивная природа дейксиса определена его принадлежностью к классу прагматических универсалий [20, с. 94–95]. Общее предназначение универсалий заключается в создании и представлении речевой ситуации; в этой группе средств дейктические знаки используются для репрезентации когнитивных схем, субстанции, квантитативности, места и времени, что выделяет *целостность их референта*, представляющего собой, в отличие от референтов полнозначных номинаций, *определенным образом организованные множества*.

Это качество дейксиса обусловлено тесной связью личного, пространственного и временного значений в системе ориентации и их способностью служить взаимному определению, по сути, речь идет о различных семантических проекциях местоименной процессуальной формы «Я». Первичная «система отсчета» (Origo) создается как функция от трех переменных: говорящего S, времени сообщения t_s , позиции говорящего I, что дает возможность говорить о ней как о форме, семантика которой определена синтезом указанных значений. Утраченная в более поздних трактовках онтологическая системность дейксиса позволяет этим знакам выступать в роли исполнителей речевого действия («операторов иллокуции») (функция дейксиса как средства, способного служить осуществлению иллокутивного акта вне пропозиционального содержания, была выделена уже теорией речевых актов [21, с. 43, 51]).

Универсальность дейксиса делает его уникальным инструментом дискурсии благодаря сочетанию в нем предназначения вводить когнитивные схемы ориентации и

служить в качестве языковых опор для ориентации в потоке речи. В этом процессе обнаруживается исключительная семантическая емкость этого знака, определенная способностью этих знаков транслировать опыт с помощью значений, реализующих определенные концептуальные структуры. Создаваемые с его помощью в тексте «ориентации на Другого» становятся основой для понимания, в чем находит выражение их приспособленность для реализации отношений кооперации. Индивидуальный акт речи предстает, с одной стороны, как процесс присвоения языка, с другой – как постулирование собеседника. Э. Бенвенист признает саму возможность существования языка по той причине, что в процессе использования субъектом он может конституировать другое, внешнее по отношению к говорящему лицу, к которому говорящий обращается на «ты» [12, с. 294].

Включая в свой функциональный потенциал все названные функции, дейксис выступает в коммуникативном процессе как своего рода *внутрисистемный алгоритм* вербального поведения, использование которого позволяет осуществить выбор любого из способов употребления языковых знаков.

Библиографический список

1. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. М.: Языки славянской культуры, 2003. 400 с.
2. Лангаккер Р.У. Когнитивная грамматика. М.: РАН ИНИОН, 1992. 56 с.
3. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990 (ЛЭС).
5. Lyons J. Einführung in die moderne Linguistik. München: C.H.Beck Verlag, 1973. 538 s.
6. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.
7. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. М.: Азбуковник. 1998. 176 с.
8. Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.
9. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
10. Чейф У.Л. Значение и структура языка. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1990. 428 с.
11. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М.: Прогресс, 2000. 528 с.
12. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 360 с.
13. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков. М.: Наука, 1972. С. 95–113.
14. Крылов С.А., Падучева Е.В. Дейксис // Человеческий фактор в языке: коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. С. 154–266.
15. Падучева Е.В. Говорящий: субъект речи и субъект сознания // Логический анализ: Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 164–168.
16. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Наука, 1999. С. 989
17. Кошелев А.Д. Референциальный подход к анализу языковых значений // Московский лингвистический альманах. Спорное в лингвистике. Вып. 1. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 82–194.
18. Куайн У. ван О. Слово и объект. М.: Логос. Праксис, 2000. 386 с.

19. Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 2004. 206 с.

20. Habermas J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt: Suhrkamp, 1984. 605 s.

21. Searle J.R. Sprechakte. Ein sprachphilosophischer Essay. Frankfurt: Suhrkamp, 1976. 305 s.

*N.K. Danilova**

«THE MEANING OF UTTERANCE» AND SUBJECT FACTOR

The paper is devoted to the problems of utterance semantics and its reference, defined by the link with the speaking subject. The pragmatic attitude towards 'the meaning of utterance' focuses the research on the deixis and its functions in the process of forming the 'discourse reference net'.

Key words: mode, discourse, cognitive, communicative, situation, subject function.

* *Danilova Nina Konstantinovna* (danilova_nina@mail.ru), the Dept. of German Philology, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation.